

Этим вечером Роман не пошел к принцу. Скорым шагом, миновав стражу у его покоев, он велел амазонкам передать сыну Сата свои извинения, дескать, переутомился во время утренних занятий и должен принять ванну и выпить горячего вина. Он и в самом деле сделал и то, и другое, а потом принялся мрачно расхаживать по комнате, время от времени со злобой пиная стулья и разбросанную по полу одежду.

Похоже, этим красоткам, этим лихим наездницам мужчины и в самом деле были не нужны! Им вполне хватало общества друг друга! В их прелестных головках не укладывалась даже мысль о том, что мужчина тоже способен принести наслаждение! Что ж, если лесбийская любовь процветает в Меоте столетиями, то ее обитательницы вполне могли забыть, что мужчина - не просто некий объект, механически участвующий в процессе воспроизводства потомства... Ну и конечно, мужчина мужчине - рознь!

Если с женщинами все ясно, решил Роман, порассуждаем насчет мужчин. Выглядели меоты вполне благообразно, хотя были начисто лишены мужественности, обычно присущей представителям культуры меча и копья. Ну, тут за них старались женщины... Прекрасные сильные женщины, объединенные не только суровыми узами воинского братства, но и шелковыми путами Эроса... А что же мужчины? Как они удовлетворяют свои сексуальные инстинкты? Роману не потребовалось много времени, чтобы разгадать и эту загадку Эпизоды, факты, намеки - все, накопленное в памяти за последний месяц, стремительно промелькнуло перед ним. Фарра, пораженная тем, что близость с мужчиной может принести наслаждение... Обрывки фраз и странные взгляды, которые он ловил в городских кабаках... Настоячивые приглашения Зирипода посетить его и "приобщиться к мудрости"... И, наконец, Тархион!

Глухо застонав, разведчик стукнул себя кулаком по лбу. Каким же идиотом он был! Распуская хвост перед юным принцем, поучая его, как обращаться с девушками! Не возлюбленную с полными персями и нежными ланитами ждал Тархион в тот вечер, он жаждал очутиться в его, Романа Гилева, объятиях! Дьявольщина! Проклятье, проклятье! Воистину, эта роскошная обитель, смердевшая извращенной похотью, были не Голубым Дворцом, а дворцом голубых!

Пустоцветы, внезапно подумал Роман, все они пустоцветы! Да, они производили потомство, но не любовь и счастье взаимного обладания были спутниками зачатия, а всего лишь необходимость продления рода. Бутон страсти не раскрывал своих лепестков, не цвел яростно и пышно, согретый поцелуями, не сникал, надломленный блаженной усталостью, не вспыхивал вновь огнем под жаркими ласками... А там, где все это было - и страсть, и горячие лобзанья, и трепет жаждущей плоти - там не завязывался плод. Пустоцветы, провалились они в ад!

Он в раздражении и гневе забегал по комнате, размахивая руками, затем постепенно стал успокаиваться. Гнев - плохой советчик, напомнил он себе; только холодный анализ, только разумное и тщательное изучение проблемы подскажут выход... Выход? Чего он, в сущности, хотел? Какое дело гостю, временному посетителю, до этого странного мира, вдруг повернувшегося к нему неприятной стороной? В любом случае, смерть ему не грозит... и планер Лартака ждет его, усевшись на макушку Сата-Прародителя, проклятого извращенца...

Вспомнив об этом, Роман окончательно пришел в себя, вернув способность к здравому рассуждению. С чего он так завелся? Вот был первый вопрос, заданный им. В конце концов, подобные нравы существовали и на Земле, и дело шло к тому, что в ряде стран, наиболее свободомыслящих, скоро начнут регистрировать браки между мужчинами - или женщинами, если угодно. Роман знал, что долгое время такие необычные сексуальные склонности рассматривались как болезнь, но в результате новейших исследований медиков, психологов и социологов это мнение изменилось.

Как было установлено, граница между полами не являлась жесткой. Природа вообще не терпит жесткой детерминации типа "да-нет" лишь человек вносит в свои несовершенные творения бинарную логику вычислительной машины. Диод открыт или закрыт, устройство работает или нет, жизнь-смерть, болезнь-здоровье, черное - белое... Живую материю, однако, не удавалось втиснуть в прокрустово ложе таких соотношений; с живым, особенно - с человеком, наиболее сложной из существующих естественных систем, - дело обстояло не так просто.

Спектр человеческих конституций и психологических особенностей был невообразимо широк. В этом океане из миллиардов живых особей, тысяч рас, народов, племен, языков можно было найти что угодно: двуполых гермафродитов, сросшихся сиамских близнецов, телепатов и пирокинетиков, карликов и гигантов, белых, черных, желтых, красных и синих в крапинку... На фоне такого разнообразия мужеподобные женщины и женоподобные мужчины не являлись чем-то исключительным. В силу определенных психофизических особенностей их сексуальные устремления были направлены на лиц своего пола, и они без особых трудов находили партнеров. Более того, многие вполне нормальные люди, попав в необычные или безвыходные обстоятельства, следовали их примеру; Роман вполне представлял, что творится в женских тюрьмах и в небольших воинских гарнизонах в отдаленных местностях.

Правда, в данном случае речь шла о целой стране. - С другой стороны, это была не Земля, другой мир, иная реальность, и подходить к ней с привычными мерками значило ошибиться. Однако и на Земле в древности существовали страны, где подобная практика не вызывала неприязни. Скажем, античная Греция... Роман напряг память. Что говорили по такому поводу эллины? Любовь мальчиков - для философов, любовь женщин - для прочих смертных...

Да, именно так! И нечего приходить в ярость из-за этого! Уже ясно, что он не сможет взять домой из Меоты ничего, кроме сомнительных нравов, прекрасно известных на Земле. Почему же он так взволнован, так возмущен?

Внезапно Роман понял, в чем дело. Причина была чисто личной, все дело коренилось в нем самом, и никакие холодные рассуждения о широчайшем диапазоне человеческих склонностей, никакие исторические параллели не помогли бы ему совладать с чувством подспудного омерзения. Проблема заключалась в том, что он сам находился на границе этого диапазона; он был концентратом понятия мужественности, и его обостренное мужское эго не могло примириться с очевидным. Положим, еще лесбиянки... Бог с ними, в Меоте, в конце концов, существовали девушки-рабыни, вполне нормальные во всех отношениях! Но то, что его самого, Романа Гилева, пытались склонить к содомскому греху, было невыносимо! Это требовало возмездия - немедленного и страшного, как Божий гнев, обрушившийся некогда на нечестивые Содом и Гоморру!

Скрипнув зубами, Роман был вынужден признать, что до грозного Саваофа ему далеко, и никаких немедленных действий он предпринять не в состоянии. Нужно время, терпение, настойчивость, удачно сложившиеся обстоятельства... тысяча и один фактор, которых заранее не предусмотреть. Только тогда, силой или словом, он сумеет обратить Меоту на путь истины, вычистив эту конюшню от навоза заветов, записанных в древних книгах Сата! Существовала, конечно, и проблема времени. Максимов послал его сюда не на десятилетия; месяц-другой - вот весь срок, отпущенный на такую титаническую работу.

Но было кое-что, что он мог совершить в самом ближайшем будущем. И Роман поклялся, что выполнит это, невзирая на последствия.

* * *

На следующий день он был, как всегда, спокоен, ровен и невозмутим. Прошли утренние занятия, миновал обед; затем Роман совершил конную прогулку по живописным окрестностям, плотно поужинал и посетил юного принца, заодно наведя кое какие справки у амазонок, что несли охрану в покоях Тархиона. Как он и предполагал, Гралия сегодня должна была патрулировать внешнюю открытую галерею, тянувшуюся вдоль всего фасада апартаментов принца. Туда, кстати, выходило и окно его комнаты, которое он предусмотрительно оставил открытым.

Роман прилег на постель, не раздеваясь, лишь сбросив сандалии; он положил себе проснуться через три часа. Его внутренний хронометр сработал точно, и когда он снова раскрыл глаза, уже наступила глухая ночь. Он запалил тонкую свечу, поставил ее на столик рядом с ложем, потом бесшумно выпрыгнул в окно и направился вдоль галереи. Было довольно темно; в слабом свете нарождающейся луны разведчик едва мог различить тянувшуюся по правую руку стену огромного здания с широкими окнами, а слева - массивные цилиндрические колонны, будто выраставшие из невысокого мраморного парапета. За ними лежал притихший сад, и там, под деревьями, царил уже абсолютный мрак. Роман, босой, с гривой черных волос, разметавшихся по плечам, неторопливо шествовал к дальнему концу галереи, где мерцали огоньки двух факелов.

Хотя он не имел намерения прятаться, его движения напоминали повадку вышедшего на охоту тигра. Он и в самом деле собирался поохотиться - со всем профессиональным искусством, которое приобретено за долгие годы работы в разведке. Дичь следовало обмануть, изловить и принести в свое логово; всю эту программу он собирался выполнить от начала до конца.

До конца длинной галереи, где стоял пост охраны, четыре амазонки в полном вооружении, оставался десяток ярдов. Шлемы девушек были составлены в ряд на парапете, и Роман уже видел каштановый блеск волос Гралии - свет факела падал как раз на ее головку. Немного подождав, он кашлянул и выступил из темноты.

- Роман?

Все охранницы принца знали его хорошо. Мечи не покинули ножен, только взметнулись белые плащи, когда девушки повернули лица к высокой фигуре, возникшей на грани света и тьмы.

- Что ты здесь делаешь? - Гралия чуть заметно улыбнулась ему. Вышел прогуляться по ночному парку?

Разведчик отрицательно покачал головой.

- Нет, что-то со старым Лартаком. Похоже, ему нужна помощь.

- Помощь? Что с ним? Он заболел?

- Не знаю. Меня разбудил его раб. Сказал, что хозяин просит привести какую-нибудь девушку из охраны. Ну, я встал и отправился искать знакомых... тебя или моих учениц. Не вызывать же стражу из покоев самого принца...

С деланным недоумением Роман развел руками. Он мог придумать еще десяток причин, чтобы увести Гравию от подруг, но ссылка на Лартака выглядела самой надежной - в случае неприятностей старик мог бы прикрыть его.

Девушка колебалась. В определенном смысле, пост у галереи, как и добрая половина других постов, являлся чисто символическим, так что она могла спокойно прогуляться до башенки

мудреца. Ночные дежурства были скучными и томительными, ибо в ближайшие сто лет рабы в Меоте не собирались бунтовать, а разбойных банд, как и одиночных гангстеров, тут просто не водилось. Северные племена трепетали при одном виде пограничных столбов на склонах Хребта Варваров, и в меотских хрониках давно не отмечалось случаев насильственного свержения монарха.

Наконец любопытство пересилило, и Гралия кивнула головой.

- Ладно! Пойдем, узнаем, что нужно мудрейшему. Возможно, проткнуть дротиком мышь, которая грызет его книги? Но с этим ты и, сам справился бы, - она окинула взглядом могучую фигуру Романа.

- Может быть, Лартаку надоело любоваться на угрюмые физиономии своих рабов, и он хочет поглядеть на симпатичное женское личико? - предположил разведчик. Они с девушкой уже шли по галерее.

- Прямо сейчас? Ночью?

- Такие желания как раз и возникают ночью... у нормальных людей, пробурчал Роман.

Глаза Гралии удивленно округлились; она явно не поняла намека. Ничего, детка, скоро тебе все станет ясно, мстительно подумал ее спутник; его преследовало видение нагих женских тел, трепещущих в объятиях друг друга. В молчании они прошли мимо покоев принца. Полуоткрытое окно в комнату Романа чуть озарял огонек свечи; разведчик оперся о подоконник и прыгнул внутрь. Потом, не давая Гралии опомниться, шепнул:

- Иди сюда... так мы доберемся скорее...

Он вытянул руки, обхватил девушку за талию и втащил в комнату. Гралия с любопытством огляделась.

- Где это мы?

- У меня. В конце коридора - лестница в башню мудрейшего.

- Тогда пойдем, - она направилась к двери.

Роман шел по пятам. Когда девушка поравнялась с его ложем, он быстро вытянул руку и слегка ударил ее в нервный узел под ухом. Без стоны, как подкошенная, она рухнула на широкий диван.

Раздеть ее было делом одной минуты. Разведчик отшвырнул белый плащ, стянул перевязь с мечом и подмигнул бронзовому жеребцу. Вид у того был сейчас не насмешливый, а скорее жалобный: ведь он так и не сумел охранить честь хозяйки. Пихнув клинок подальше под диван, Роман расстегнул панцирь и убедился, что груди Гралии великолепны. Все остальное им тоже не уступало, так что он начал поспешно стягивать тунику. Он проспал в одинокой постели двенадцать ночей и теперь намеревался отпраздновать тринадцатую без промедлений и самым достойным образом.

Когда он вошел, Гралия чуть застонала и очнулась.

- Роман... что ты делаешь, Роман...

Она пыталась сопротивляться, но он был гораздо сильнее. Вскоре стоны перешли в нервический смех, потом раздались вздохи и, наконец, она вскрикнула.

Роман понял, что победа близка; его жертва не была фригидной и не страдала патологической скромностью английских девиц прошлого столетия. Вполне нормальная молодая женщина, думал он, убыстряя темп; просто она не знала ничего иного... ничего, кроме тех сомнительных удовольствий, кои предлагались в заветах Сата...

Тело Гралии изогнулось с такой силой, что она почти приподняла его; потом она замерла. Перекатившись на диван, Роман с тревогой всмотрелся, а ее лицо. Потеряла сознание? Нет, просто устала и немного ошеломлена... Он вспомнил Фарру - та тоже казалась удивленной. Итак, он мог теперь подвести итоги; второй опыт был успешно завершен.

Роман, однако, не собирался останавливаться на достигнутом; приподнявшись, он посадил девушку к себе на колени. Она не сопротивлялась, и все вышло еще лучше, чем в первый раз. Третья и четвертая попытки были столь же успешными, но тут Роман остановился, вспомнив, что бедной девушке еще предстоит часа два или три караулить пустую галерею. Что подумают ее подруги, увидев, что она валится с ног?

Он положил головку Гралии себе на грудь и вдыхая аромат ее волос, нежно шепнул:

- Отдохни, малышка... похоже, мы перебили всех мышей в библиотеке мудрейшего...

Она фыркнула, потом, прижавшись к нему, сказала:

- Знаешь, оказывается, делать это с мужчиной гораздо удобнее... и не менее приятно...

Роман негромко рассмеялся, лаская шелковые локоны.

- Еще бы! Тебе самой почти не пришлось поработать! - Он помолчал. Видишь ли, девочка, мир устроен так, что мужчина и женщина как бы дополняют друг друга. Они могут вместе рубить мечами врагов или готовить ужин у одной плиты - но это совсем не значит, что они одинаковы. Только тут, в постели, выясняется, что мы значим друг для друга... Да, тут, - и еще когда появляются на свет дети.

- Дети! - Гралия снова фыркнула. - Причем здесь дети? Каждая из нас обязана дважды в жизни встретиться с назначенным ей мужчиной и родить дочерей... исполнить свой долг. Но то, чем мы занимаемся ночью в постели или в траве под звездами, то совсем иное! - и она снова прижалась к Роману.

Нет, все-таки эта девушка ничего не понимала! Пустоцвет не мог сразу превратиться в плодоносящую щедрую смоковницу.

* * *

Наутро Роман поднялся в башню к Лартаку

- Прошлой ночью у тебя разболелась поясница, и ты пожелал, чтобы нежные женские руки растерли твою спину. Я привел к тебе девушку из охраны Гралию. Красивую, с длинными каштановыми волосами...

Старец кивнул.

- Обычно моей поясницей занимаются рабы, но идея, в принципе, неплоха. А где девушка была на самом деле?

- У меня. В моей комнате.

Проницательные глаза старика уставились на Романа. Он долго молчал, покачивая головой и щуря глаза под седыми кустистыми бровями, потом сказал:

- Вижу, ты все уже знаешь, сын мой

- Знаю, - Роман сухо кивнул.

Мудрец поднялся и начал по привычке мерить шагами просторную круглую комнату.

- Что же нам еще оставалось делать? - внезапно произнес он, обращаясь словно бы к самому себе. - Понимаешь, - он повернулся к Роману, - женщины - наша сила! Та сила, которая заставляет соседей дрожать, когда раздается топот копыт нашей конницы! Разве могли мы раздать их по десятку каждому мужчине, лишить свободы, привязать к детям, к дому? Да нас бы давно стерли с лица земли! Он остановился у полки и достал кувшин с вином. - Чтобы сохранить народ, Сат Прародитель или его жрецы в древности заповедал: мужчины мыслят и управляют, женщины сражаются, добывают рабов; невольники, воспитанные в покорности, сытые и многочисленные, трудятся. Но горе тому Меоту, который смешает свою кровь с кровью раба или чужеземца! Меоты для меотов, женщины - для женщин, мужчины - для мужчин...

- Мне кажется, ты не одобряешь такой порядок, заметил Роман.

- Да, не одобряю! - Лартак вскинул голову. Но я не совсем Меот... я долго жил в чужих странах... в Райне... И там, сын мой, я знал женщин... вернее сказать - женщину... - глаза его вдруг погасли, словно подернувшись флером воспоминаний.

- Хорошую шутку сыграл с вами этот Сат, - разведчик налил вина и сунул чашу в руки старика. - Выпей, отец мой! И подумай - может, стоит пригласить тысяч десять крепких мужчин из Райны и нарушить древние заветы? - Разве я против? - Лартак грустно усмехнулся. - Ни жрецы, ни царь и его советники не согласятся. Зачем? Государство крепко. Да и что скажут сами девушки?!

- Царь, жрецы, советники - это ерунда. Сегодня они живы, а завтра плавают в крови с перерезанным горлом. - Роман пренебрежительно махнул рукой. - Вот девушки - другое дело. Их надо уговорить... заставить, наконец!

Теперь на губах Лартака играла лукавая усмешка.

- Так, как ты уговорил Фарру в эстарде Шод? А эту красавицу с длинными каштановыми волосами, что растирала мне спину прошлой ночью?

- Что-то в этом роде, - пробормотал Роман, что-то в этом роде, отец мой...